

ального производства, позволяет сформировать их видение как не случайных, они выступают не как предмет «юридических верований», а как четко объективно определенные величины¹.

История государства и права позволяет осмыслить правовые ценности и идеи в контексте конкретных исторических ситуаций, как продукт накопленного столетиями исторического опыта. Формирует представление о том, что многие юридические механизмы сформировались определенным образом не случайно, как не случайно они изменяются в процессе исторического развития.

Подводя итог, можно предложить четыре **вывода** важных для определения функциональных характеристик правовой идеологии.

1. Правовая идеология содержательно влияет на юридическое образование, однако, в контексте определения ее функциональных характеристик, следует рассматривать саму систему юридического образования как составляющую правовой идеологии, то есть как то, что входит в ее механизм и, являясь составной частью системы образования в целом, может рассматриваться как важнейшая часть идеологического аппарата современного государства.

2. Правовая идеология является «ведущей» в современном обществе. Это во многом обуславливает особую роль юридического образования. Оно востребовано ныне повсеместно и даже неюридические направления, и школьные программы включают в себя элементы юридического образования.

3. К основным функциям правовой идеологии осуществляемым посредством системы юридического образования являются следующие: формирование ценностно-правовых основ мировоззрения (системообразующая функция), формировании телеологических установок правосознания, ориентированных на правовую идеал, формировании цельного образа права, формировании способности к ценностному суждению, формировании установок личности на активное и осознанное правомерное поведение.

4. Важнейшую роль в выполнении обозначенных функций правовой идеологии играют фундаментальные учебные дисциплины теоретико-исторического правового цикла (теория государства и права, философия права, история политических и правовых учений, история государства и права).

Фатенков Алексей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Политический кентавр постистории и его идеологический антураж

Нынешнее состояние цивилизации характеризуется смешением черт модерна и постмодерна. Ценности традиционной культуры не исчезли вовсе, но имеют сегодня заметный современный и постсовременный окрас. Попытка избавиться от него и вернуться к незамутненной традиции — как одна из реакций на неприятие теперешней ситуации — обречена (по меркам человечности) на неудачу: с высокой долей вероятности грянет тогда не «новое средневековье» с его онтологической глубиной, а новый феодализм с убого-инновационным крепостным правом. Причина проста: инструмент реставрации донельзя современен. Он копирует и имитирует прежние формы в отвлечении от их содержательного ядра и благоволящей им ментальной ауры.

В миксе модерна и постмодерна у последнего более выгодное положение. Модерн отличается конкуренцией, периодически острой, больших социальных проектов и соответствующих метадискурсов. Постмодерн дробит и те, и другие на фрагменты, которые механически тасуются и сцепляются друг с другом чуть ли не произвольным образом. Во всяком случае, о произвольности складывающихся комбинаций предпочитают говорить сами постмодернисты-интеллектуалы, оценивающие постсовременные тенденции со знаком «плюс» и заменяющие «параноидальный»

¹ Корнфорт М. Диалектический материализм. Москва: ООО «Советские учебники», 2021. 496 с.; Бабулин С. Н., Бережнов А. Г., Воротилин Е. А. и др. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. Т. 1. С. 307—308.

монизм «шизофреническим» плюрализмом, либо, играя в объективизм, декларирующие аксиологический нейтралитет, неразличимость останков субъекта и остатков объекта. Как бы то ни было, априорная склонность к всесмесительству делает постмодерн лидером в его сцепке с модерном. Причем речь идет тут именно о механическом сочленении и кентаврической структуре, а не о гибридном продукте, которому еще присуще органическое единство.

Модерн подлинно историчен. Как бы мы ни оценивали идею истории, она принадлежит к числу базовых элементов социальной теории и практики Нового времени. Постмодерн эпифеноменом своим имеет постисторию — состояние истории после ее собственного конца: не самое хорошее состояние после не самого хорошего конца. Модерн подчеркнуто идеологичен. Не лукавя, он запечатлевается в истории фронтальным столкновением идеологических систем. Переход к их мирному сосуществованию и, далее, к декоративной деидеологизации свидетельствует о появлении и нарастании постмодернистских тенденций в социально-политической сфере общественной жизни. Постмодерн, ситуативно, то маскирует и прячет идеологичность, то демонстрирует ее в виде тотально-лоскутного полотна.

Постистория, как и постмодерн, готова к склейке разрозненных фрагментов всех мировоззренческих и политико-идеологических матриц, сложившихся ранее в эпоху модерна. На практике, однако, что бы ни говорили постмодернисты, преимущественно актуализируется одна комбинация. И этот доминирующий сценарий, вызывающий тревогу, не вполне случаен.

В современном обществе ведущими соперничающими политико-идеологическими парадигмами выступают социализм (коммунизм), либерализм и фашизм. Конец истории ознаменовался победой либерализма, но она оказалась пирровой. Предвосхищая ситуацию, выразительно описал ее еще в начале 1940-х годов Пьер Дрие ла Рошель: «Коммунизм мертв, и фашизм тоже, а старый либерализм, изможденный, хихикает у себя в уголке и не знает, что уже ни на что не похож»¹. Впрочем, в координатах постмодерна эта выходность и непохожесть ни на что (пусть даже не полная, а частичная) предоставляет их носителю зримые предпочтения в виде предрасположенности к вариативной сочлененности с чем угодно.

Либерализм, каким он добрался до времен постмодерна / постистории, сочетает в себе установку на формальное равенство всех граждан перед законом с апелляцией к свободе индивида в рамках практического разума кантовского толка и с особыми правами социальных меньшинств. Как ни парадоксально, на первый взгляд, постмодерновому либерализму заключить альянс с фашизмом куда проще, нежели с социализмом. Стоит только включить в круг социальных меньшинств группировки правящего слоя (а они, в самом деле, количественно невелики) и, вдобавок, контекстуально манипулировать природно-биологическим фактором (с атрофией его в киберполитике и гипертрофией в биополитике), как стыковка на социальной орбите либерализма и фашизма становится весьма вероятной. И еще аргумент. Формально-законническая доминанта либерализма, тенденциозно индифферентная к содержанию правовых норм, нигилистична в своем пределе. Встречным образом нигилистичен и фашизм, что признает и упомянутый выше экстравагантный французский интеллектуал. «Мы не будем сражаться за то или за это. Мы будем сражаться против всех. Это и есть фашизм»² — но это есть и нигилизм, без сомнения. Нигилизм, прикрытый фиговым листком тотальности масс. Акции либерал-фашизма идут вверх по мере нарастания прессинга формализации над процессом и состоянием содержательного труда, иными словами, по мере умаления и драпировки социалистических ориентиров общественной жизни.

Социализм — и в неутопически мыслимой его сущности, и в практике его строительства — притязает на преодоление нигилистических тенденций в человеческом сообществе и на укрепление неформального единения людей. Историческое поражение социалистической стратегии — выказывающее, быть может, не столько изъяны собственно социализма, сколько изъяны самой истории — было вызвано не в последнюю очередь чрезмерной технологизацией и формализацией воплощаемого проекта, что нашло свое выражение помимо прочего в абсолютно бесперспективном намерении экономически тягаться с капитализмом. Редукция практики к технологии фатальна для социализма и сподручна для его конкурентов — фашизма и, прежде всего, либерализма.

¹ Дрие ла Рошель П. Дневник 1939—1945 / пер. с фр. под ред. С. Л. Фокина. Санкт-Петербург, 2000. С. 382.

² Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм / пер. с фр. А. В. Шестакова. Санкт-Петербург, 2001. С. 129.

Фашизм, в трактовке Ги Дебора, есть «*технически оснащенная архаика*»¹. Соглашусь и продолжу. Либерализм, по крайней мере в одной из смысловых проекций, есть технологически воспроизводящая отчуждение инноватика. Данное определение совпадает с определением капитализма, аутентичной социально-политической стороной которого, феномена социально-экономического, либерализм и является. Остаточные симпатии к либерализму — в память о временах противостояния с засильем фидеизма, клерикализма и сословного неравенства — обусловлены приватизированным им брендом свободы, но она здесь содержательно скудна. И сопрягается не с лицом и не с полнокровной натурой человека, а с имиджем, персональным товарным знаком. Вместо свободы «для» — свобода «от», но не от эксплуатации и товарного фетишизма, не от торговли собой, а от их радикального устранения. Свободы, задекларированной либерализмом, хватает лишь на сопротивление феодализму и его рудиментам — с капиталистическими несвободами ей никак не совладать.

Возникающий кентавр либерал-фашизма не чета археоавангарду, той синтетической композиции, которая намеревается выйти из-под опеки технологического детерминизма и, недовольная перетеканием истории в постисторию, а, не исключено, и самой исторической процессуальностью, ратует за нерасторжимость содержания и форм жизни. Если археоавангард обращается к прошлому и будущему, чтобы по максимуму снять отчуждение в настоящем, теперешнем состоянии общества, то либерал-фашизм оглядывается назад и заглядывает вперед, чтобы путем рекомбинаций сохранять, умножать и капитализировать отчужденность. Археоавангард, не закрывая глаза на проблемные места гуманизма, никак не посягает на априорную ценность человечности. Либерал-фашизм сдает и гуманизм, и человечность в угоду трансгуманистической сингулярности. Технологическая каузальность приближается тут к своему апогею.

Шарнирная конструкция либерал-фашизма эффективно чередует правовые и внеправовые приемы принуждения. Закон, исторически призванный вроде бы строго блюсти границу между правом и бесправием, в постисторических реалиях эту границу размывает. Джорджо Агамбен показывает, как в прошедшие пару лет в Италии в условиях объявленной пандемии правительственные распоряжения с размытыми формулировками способствовали широкомасштабному распространению чрезвычайного положения и превращению его в политическую норму². Чрезвычайное положение, о котором с либеральными интонациями говорит итальянский философ (перетолковывая определенным образом соответствующий концепт Карла Шмитта), и есть актуализированный либерал-фашизм.

Политическая эмпирия либерал-фашизма не требует публичного содержательно адекватного идеологического обрамления. Более того, оно, неоспоримо циничное, при своем возможном обнародовании выступило бы помехой в продвижении постисторического кентавра. Куда удобнее сопровождать его поступь мозаичной риторикой, вариативно сочетающей по мере нужды элементы всех идеологизированных дискурсов, что у публики на слуху. Востребованным оказывается здесь формирование информационно-коммуникативного поля, в котором перевозносимое и охаиваемое легко поменять местами. Идеология сливается с пропагандой, с голым инструментализмом — до чего никогда не опускался модерн. Если в его координатах идеология еще оставалась, пусть и с оговорками, в области собственно истинностных значений и не сваливалась целиком в прагматику, то в состоянии постмодерна, во всяком случае применительно к ризоме либерал-фашизма, собственно истинностная оценка конструкции, выполняющей функции идеологии, обнулена.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Идеология в праве и право на идеологию

Проблематика, которая рассматривается в рамках настоящего круглого стола, приуроченного к Всемирному дню философии и вместе с тем к 85-летию со дня образования Нижегородской акаде-

¹ Дебор Г. Общество спектакля / под ред. Б. Скуратова; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. Москва, 2000. С. 67.

² См.: Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с ит. В. Данилова. Москва, 2022.